

Коломбина 90-х годов

Знаменитая красавица, ослепительная кинозвезда, умная, точная драматическая актриса, судя по всему, накопила в себе столь изрядную долю скепсиса и разочарований, что сама решила уйти из театра. Человек резкий и решительный, категоричный и острый, она изменила параболу своего пути и, сохранив нежность лица, не скрывает жесткости взгляда. Казалось бы, Анастасия Вертинская — это изысканность и элегантность, женственность и красота, это слава и блеск, и вдруг — поворот в биографии. Стереотип, связанный с именем самой удачливой актрисы современного театра, оказался разрушен.

Виталий ВУЛЬФ, столь неожиданно откровенно начавший свой рассказ об актрисе, продолжает его на 8-й странице.

Фото В. Плотникова.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Культура. — 1994. — 17 дек. — С. 8.

«Мой разрыв с театром — вещь естественная, театр переживает кризис, и, я думаю, это продлится еще долго. Абстрактное желание играть на сцене у меня есть, но я просто не могу назвать конкретно театр, где мне хотелось бы работать».

(Из интервью газете «Аргументы и факты»).

«Я собираюсь окончательно уйти в режиссерскую деятельность. Мне очень нравится это занятие, я себя чувствую чрезвычайно стабильно, уютно в этой профессии. Мне интересно... К тому же актерская профессия предполагает чрезвычайную зависимость, а я люблю независимость».

(Из интервью парижской газете «Русская мысль»).

ливости интонаций, а она продолжала играть свой «Мираж» ради того, чтобы воскресить утраченный мир отца.

Анастасия Эфроса, которому она верила безраздельно и который бы ей мог помочь, уже не было в живых. Его опыт для нее был идеальным режиссерским уроком. «Он дарил актеру ощущение абсолютной самостоятельности, подспудно задавая ему нужное направление», — говорит она.

Ее Эльмира в «Тартюфе», сыгранная на сцене МХАТа, была действительно чудом. Вертинская увлекала зрителей неслыханной красотой, графической утонченностью, стильным силуэтом и быстрой через край живой актерской энергией. Вспоминая репетиции «Тартюфа», Эфрос писал: «Как мно-

роль в кино — Гуттиере в «Человеке-амфибии» сделала ее имя еще более популярным. Когда смотришь сегодня по телевидению эти старые ленты, сознаешь и ее прелесть девушки-подростка, и ее светлую, наивную чистоту. В 1962 году она уже играла в пьесе «Покорной нам только снится» Ю. Шевкуненко на сцене Театра имени Пушкина. Ее первым театральным режиссером был Борис Равенских. Но она всегда была сообразительной, быстро поняла, что надо учиться, и поступила в Театральное училище имени Щукина при Вахтанговском театре. В 1968-м Вертинская, окончив училище, пришла в труппу театра «Современник», где прослужила ровно двенадцать лет. Здесь, в «Современнике», она сыграла Нину Заречную в «Чайке». Спу-

пнятая душа. Роль была сыграна замечательно.

В «Современнике» Вертинская успела сыграть Раневскую в «Вишневом саде». Галина Волчек в какой-то период увлекалась ее дарованием. Но актриса была еще очень молода для Раневской, тонкая вязь психологического узора не во всем удавалась ей и, лишь точное ощущение общей теме спектакля, хорошо играла раздражение против Гаева, который мешал ее Раневской отдать дело в твердые руки Лопахина. Впрочем, это был ввод. Не имея большого успеха в современных пьесах, составляющих основу репертуара театра, она взяла свое в роли Оливии в «Двенадцатой ночи» Шекспира, поставленной эзекским англичанином. В Оливии Вертинская была смешна и очарова-

же заявила: «Я отдаю предпочтение А. Харитонову» — он собирался для нее делать «Саломею» в кино. Это свойство характера, а на деле и в деле Анастасия Вертинская — человек обязательный. Просто она примыкает к тому, что сегодня, именно сегодня просит ее душа. Она удивительно снималась в кино: Офелия в «Гамлете», Лиза Болконская в «Войне и мире», Китти Щербачка в «Анне Карениной» — роли, сыгранные с редким артистизмом и чувством стиля.

В 1982-м на телевидении режиссер Л. Пчелкин снял телефильм «Кража» по пьесе Джеффа Лондона: Маргарет Чалмерс — Анастасия Вертинская, Старкватер — Иннокентий Смоктуновский. Актриса изумила тонкостью проникновения, лиризмом и драматической силой. Когда Михаил Козаков снимал на телевидении «Безымянную звезду», на роль Моны он пригласил Вертинскую, она сыграла ее без всякой сентиментальности, трезво и поэтично.

Но в ее художественном мировоззрении всегда был заметен интерес к новому стилю и стремление к поворотам. Возникло громкое имя кинорежиссера В. Пичула (автор ленты «Маленькая Вера»), Вертинская принимает приглашение и снимается у него в роли матери в фильме «В городе Сочи темные ночи», что можно было делать, а можно было и не делать. Поманил ее Андрей Харитонов, подавший в кинорежиссуру, она немедленно откликнулась на «Жажду страсти», ее не испугало даже вызывающее название. Вертинскую всегда манит неисследованный материк. Это свойство ее души и дарования. Жизнь для нее — это «чреда сменяющихся мизансцен». Сегодня она в занятиях с западными актерами. Что будет завтра? — сказать не может никто. Верю, что вновь увижу ее на сцене (или на экране) с ее внутренней свободой, утонченной красотой и затаявшейся мыслью — что делать дальше?

Редко пересекаясь на жизненных путях, я всегда с интересом наблюдаю, как складывается судьба этой удивительно яркой талантливой женщины, «Коломбины нашего времени», умеющей завораживать и отталкивать и превращать жизнь в содержательное пространство.

Виталий ВУЛЬФ.

Коломбина 90-х годов

Сегодня Анастасия Вертинская — вне театра. Знаменитая красавица, ослепительная кинозвезда, умная, точная драматическая актриса, судя по всему, накопила в себе столь изрядную долю скепсиса и разочарований, что сама решила уйти из театра. Человек резкий и решительный, категоричный и острый, она изменила параболу своего пути и, сохранив нежность лица, не скрывает жесткости взгляда. Казалось бы, Анастасия Вертинская — это изысканность и элегантность, женственность и красота, это слава и блеск, и вдруг — поворот в биографии. Стереотип, связанный с именем самой удачливой актрисы современного театра, оказался разрушен.

Сегодня Анастасия Вертинская — создатель Благотворительного фонда вспомоществования русским актерам. Она без устали заботится о тех, кому трудно жить, кто стар и еле сводит концы с концами. Театральная мишура ее заботит гораздо меньше, чем жизненные коллизии. Сегодня она по-прежнему в Европе — место процветания театральной культуры. «Там в искусство идут люди тонкие, духовно одаренные, которые знают, зачем им это нужно», — убеждает она себя и других и ездит по свету, преподавая актерское мастерство то в Оксфорде, то в Швейцарии, то во Франции. Зимой 1994-го вместе с А. Калягиным в придуманной и

ею созданной «чеховской школе» под Парижем в Нантере, в театре «Амандье», она ставила с французскими актерами, своими учениками, спектакль «Чехов. Третий акт». Премьера вызвала у французских любителей искусства, неприятия и удивления дерзости замысла. «Четвертые акты у Чехова — это практические только прощание. Третьи — всегда кульминационные и одновременно завершающие», — объясняла она природу своего намерения. Ее несколько не смутило отсутствие полного признания. Она всегда стремилась к самостоятельности оценок и суждений и проживает жизнь так, как хочет. Ее волнует возвышенная мысль, и она предается ей, иногда заблуждаясь, но веря себе и своим заблуждениям. Высоту устремлений Вертинская восприняла от своего отца, великого Александра Вертинского, уникального поэта и исполнителя своих песенок, создателя жанра, который умер вместе с ним. Отец был и остался ее Богом. Ему она посвятила спектакль «Мираж», поставленный ею с режиссером М. Мокеевым в 1989 году. На сцену Вертинская выходила в знаменитом костюме Пьеро, в контрастном гриме, была подчеркнута элегантна и строгую мемуарную основу композиции причудливо соединяла с театральной стилизацией. Спектакль шел под фонограмму песенок Вертинского. Критики упрекали ее в манерности, жеманстве, кокет-

гие красивые молодые женщины, она слегка капризна, но слегка. Чего-то не понимая сегодня и капризная по поводу того, что ей будто бы что-то сегодня не ясно, назавтра она приходит спокойной, элегантной, собранной, готовой к импровизации... Нужно иметь такую пластику и такую органику, и такую легкую актерскую натуру, чтобы неожиданно сделать почти невозможное, даже нелепое. С Эфросом были сделаны во МХАТе Лиза в «Живом трупе» — умная, женственная, аристократически грациозная, в Театре на Таганке в пьесе Уильямса «Прекрасное воскресенье для пикника» — Доротея — почти девочка, не желающая отречься от своей женственности, и роли Просперо и Ариэля в «Буре» Шекспира, которую режиссер ставил с актерами и студентами в Музее изобразительных искусств. Ради Эфросы Вертинская была готова сыграть любые коллизии лица и маски. Хотя успех Эльмиры превзойти не удалось. То была великая роль, столь удавшаяся, может быть, и потому, что Эфрос угадал ее неиспользованные до конца возможности характерной актрисы.

А начинала она свой путь еще в школе. Друг дома Вертинских кинорежиссер А. Птушко привел молоденькую Настю Вертинскую в кино. Ей не было еще 16 лет, когда она сыграла Ассоль в фильме «Алые паруса». Следующая

десять лет, перейдя во МХАТ, она вновь сыграла Нину, когда Ефремов поставил новую версию «Чайки». Ефремовская «Чайка», в сущности, была посвящена Нине. Режиссеру Нина Заречная была особенно дорога. Он настаивал на мысли, что ее житейские поражения — это не душевный крах, и гастроли в Ельце если не знак победы, то и не знак поражения. В первой ефремовской «Чайке» Нина — Вертинская была проста и наивна, но не дотягивала последний акт; в новой постановке она играла его с острым драматизмом, резко, почти зло, не прощая себе ни малодушия, ни слабости. Теперь это была не покинутая Тригориным женщина, а актриса, знающая, в чем ее призвание.

После «Чайки» была сыграна Елена Андреевна в «Дяде Ване». То был странный спектакль Олега Ефремова. Астрова играл Олег Борисов, остро, резко, но скорее подходил для роли дяди Вани, а дядя Ваня — Мягков был недоговорен до конца, и только Елена Андреевна — Вертинская в своих золотистых туалетах, опьяняя неземной красотой, была точна и значительна. Оказалось, что эта самоуверенная женщина на самом деле застенчива и, демонстрируя всем высокомерие и надменность, по сути естественна и неуверенна в себе. За изысканностью внешнего облика скрывалась одинокая и не-

тельна. Сцены Виолы — Марины Неёловой и Оливии — Анастасии Вертинской были полны изысканного комизма.

Актрисой ее сделал Олег Ефремов. Когда-то это признавала она сама. В 1986 году, давая очередное интервью, Вертинская говорила: «Главным своим учителем я считаю Ефремова. Он создал меня как актрису, сформулировал граждански, нравственно и творчески». Потом их пути разошлись, теперь она предпочитает МХАТ не вспоминать. В Париже в интервью газете «Русская мысль» категорически заявила: «В теперешнем МХАТе мне нечего делать, там нет режиссеров» — в ответ на вопрос о возвращении во МХАТ. Эти издержки настроений привычны в театральной среде. Ефремову, создателю «Современника», открывшему не только целое поколение актеров, но и новую эстетику актерской игры, не привыкать к разрывам и отталкиваниям. Сегодня «молодой русский авангард» и в театре, и в кино ценится значительно больше, а Ефремов был и остался нетерпим к театральным забавам.

Анастасия Вертинская, наоборот, тяготела к ним. Она снялась — совсем недавно, в 1991 году, — в фильме «Жажда страсти» по мотивам повести Брюсова (режиссер А. Харитонов) — заурядной ленте «Новой волны», отдавшей дань эротическим новациям, и тут